Николай Глубоковскій,

ординарный профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи.

ПАМЯТИ ПОКОЙНАГО

(† 1908, VII, 14).

ПРОФЕССОРА

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЛЕБЕДЕВА.

(ПОДЪ ПЕРВЫМЪ ВПЕЧАТЛѢНІЕМЪ ТЯЖЕЛОЙ УТРАТЫ.)

Никогда слава славныхъ не уничтожается со смертію, добродѣтели не оканчиваются вмѣстѣ съ умершими...

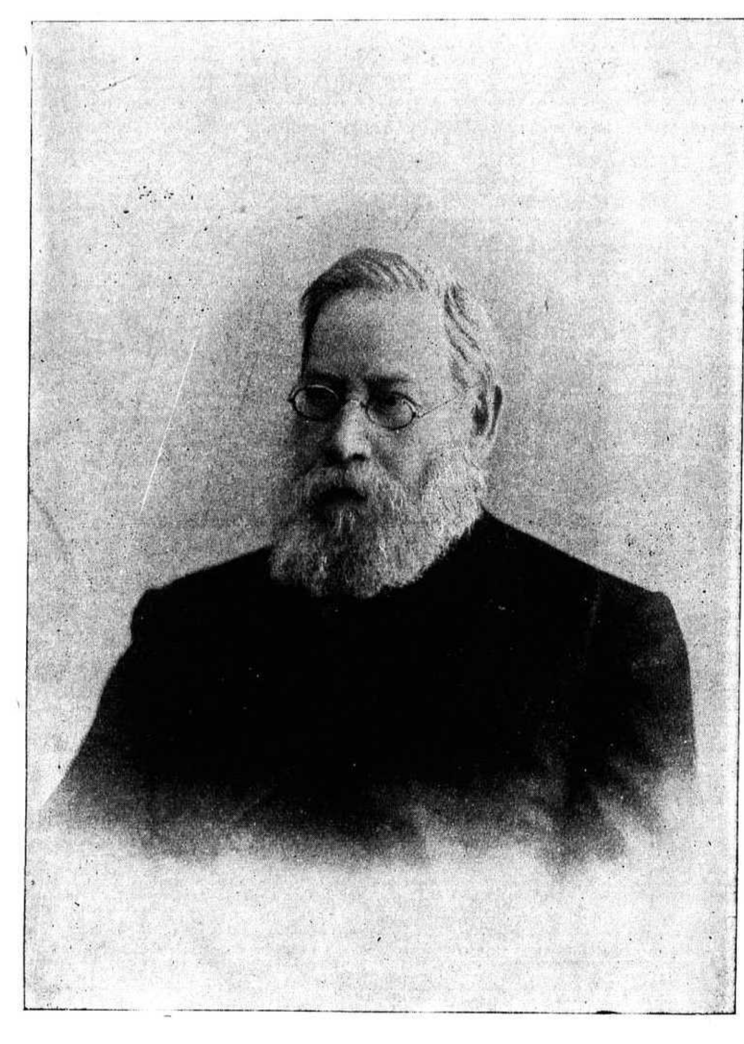
С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Монтвида, Гончарная, д. № 7.
1908.

Достоуважаемому Александру Ивановичу Яцимирскому

Н. Глубоковскій.

СПб. 1908, XI, 13 — [illegible]

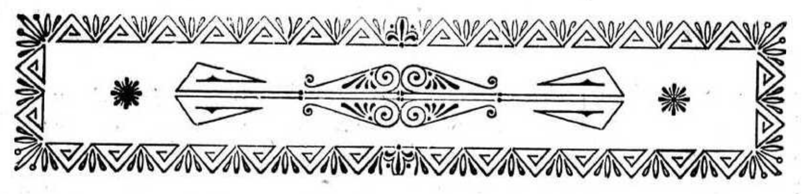
Отдѣльный оттискъ изъ журнала Странникъ за 1908 г.

Въ своемъ огородѣ имѣю возможность представить Вамъ свою карточку, снятую въ сентябрѣ конца 1907 года и потому не устарѣвшую.

Душевно Вашъ преданный
А. Лебедевъ
13 мая 1908. Москва.

(Изъ письма профессору Н. Н. Глубоковскому.)

Памяти покойнаго профессора Алексѣя Петровича Лебедева.

(Подъ первымъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты.)

> Никогда слава славныхъ не уничтожается со смертію, добродѣтели не оканчиваются вмѣстѣ съ умершими...

Въ дали Кавказа, гдѣ я укрывался въ безвѣстности отъ самыхъ близкихъ людей, позднимъ вечеромъ 16 іюля застигла меня, посланная на-угадъ, телеграмма изъ Москвы: „въ ночь на пятнадцатое скончался Алексѣй Петровичъ Лебедевъ". Страшное своимъ трагическимъ лаконизмомъ, —это извѣстіе представлялось столь невѣроятнымъ, что мысль отказывалась принять его даже и тогда, когда многочисленныя печатныя сообщенія неопровержимо свидѣтельствовали, что почившій умеръ въ Москвѣ въ понедѣльникъ 14-го іюля, въ 11 часовъ ночи, и послѣ отпѣванія 17-го числа (четвергъ) въ церкви св. Спиридонія, на Спиридоновкѣ, сонмомъ духовенства во главѣ съ преосвященнымъ Анастасіемъ (Грибановскимъ) погребенъ на кладбищѣ Спасо-Андроніевскаго монастыря. Печальный фактъ оказывался безспорнымъ, но не переставалъ быть особенно горестнымъ по своей неожиданности. Человѣкъ еще не совсѣмъ старый даже для русскаго интеллигента-профессора [1], —

[1] Основныя біографическія данныя жизни Ал. П. Лебедева таковы. Родился онъ въ селѣ Очаковѣ Рузскаго уѣзда Московской губерніи 2 марта 1845 года; отецъ его священникъ Петръ Меѳодіевичъ умеръ несчастно въ сравнительно молодыхъ годахъ (см. ниже стр. 27), а мать Александра Прокофьевна скончалась на рукахъ сына въ Сергіевомъ По-

Ал. П. Лебедевъ, повидимому, обладалъ удовлетворительнымъ здоровьемъ и во всякомъ случаѣ никогда не жаловался на него, хотя въ сношеніяхъ съ другими предупреждалъ послѣднихъ съ трогательною заботливостію, чтобы они давали себѣ отдыхъ отъ научно-педагогическихъ трудовъ и своевременно принимали мѣры къ сохраненію физическаго благосостоянія, усердно посылая ихъ „съ наибольшею пользою провести гдѣ-нибудь лѣто подъ смоковницею“ [1]). Покойный всегда высказывалъ убѣжденное намѣреніе прослужить „въ знаменитомъ разсадникѣ наукъ“, старѣйшемъ Московскомъ Университетѣ тоже 25 лѣтъ, какъ раньше четверть вѣка отдана была имъ Almae Matri — Московской Духовной Академіи [2]), а кипучая литературно-профессорская дѣятельность внушала добрую надежду, что этотъ священный завѣтъ исполнится. Вѣдь еще такъ недавно почившій спеціальнымъ письмомъ (отъ 13-го мая 1908 года) спрашивалъ насъ объ одной микроскопической научной детали, — и это говорило намъ, что онъ чувствовалъ въ себѣ силы охватывать цѣлое и проникать въ самыя мелкія подробности. Тѣмъ печальнѣе и болѣзненнѣе незаполнимая убыль этого неустаннаго и великаго подвижника церковно-богословской науки, который ушелъ отъ насъ сверхъ всякихъ нашихъ чаяній и разсчетовъ [3]). Наше чув-

садѣ въ 1886 г. преклонною старушкой. Учился онъ въ Перервинскомъ Духовномъ Училищѣ и въ Московской Семинаріи, откуда въ 1866 г. перешелъ въ Московскую Духовную Академію (въ Сергіевомъ Посадѣ), гдѣ окончилъ въ 1870 году въ составѣ XVII-го курса вторымъ магистромъ. Оставленный непосредственно засимъ доцентомъ при каѳедрѣ церковной исторіи (съ 24-го сентября), Ал. П. Лебедевъ уже въ 1874 г. дѣлается экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1879 г. — по пріобрѣтеніи докторства путемъ публичной защиты диссертаціи о „вселенскихъ соборахъ IV и V вѣковъ“ — получаетъ ординатуру; 1 сентября 1895 г. — послѣ двадцатипятилѣтняго служенія въ родной Академіи — онъ (не безъ сторонней вынужденности) перешелъ ординарнымъ профессоромъ церковной исторіи (на мѣсто † о. протоіерея А. М. Иванцова-Платонова) въ Московскій Университетъ, которому и пребылъ вѣренъ до смерти своей.

[1]) Изъ письма Алексѣя Петровича ко мнѣ отъ 13 мая 1908 года.

[2]) См. его брошюру (по оттиску изъ №№ 297—300, 302, 303 „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1889 г.), „Профессоръ А. М. Иванцовъ †, я и священникъ Н. Добронравовъ, защитникъ перваго“, стр. 5 прим.; „Богословскій Вѣстникъ“ 1907 г. № 6, стр. 425.

[3]) Сколько знаемъ по случайнымъ свѣдѣніямъ, Ал. П. Лебедевъ скончался по—истинѣ неожиданно: 4-го іюля онъ собирался уѣхать изъ Москвы для краткаго отдыха къ одной близкой родственницѣ Н. В. Груздевой въ Рѣшму (Костромской губерніи, на Волгѣ), но въ этотъ именно день вынужденъ былъ слечь отъ ползучей рожи, полученной, кажется, въ

ство и разумъ доселѣ упорно борются противъ роковой очевидности, ибо тяжело помириться съ этою невознаградимою утратой, оставляющею послѣ себя такую томительную пустоту. Надо сдѣлать большое усиліе надъ собой, чтобы признать совершившееся во всей его безповоротности, а тогда опять испытываешь крайнюю подавленность отъ громадности этой потери. Подъ столь гнетущимъ впечатлѣніемъ просто „не хватаетъ духу“, чтобы спокойно и всесторонне оцѣнить научную личность почившаго. Для сего необходимо отойти отъ него и взглянуть въ исторической перспективѣ, но онъ такъ дорогъ и близокъ намъ, что воля наша положительно не желаетъ отрѣшиться отъ него и описывать съ холодною объективностію. Тяжела эта душевная борьба, которую—увѣренъ—переживаютъ всѣ близкіе ученики и почитатели Ал. П. Лебедева при скорбной вѣсти о его кончинѣ. Пройдетъ время, когда образъ покойнаго въ нѣкоторомъ отдаленіи обрисуется во всей своей грандіозности. Пока же непосредственно и невольно одно чувствуется нами со щемящею неотразимостію, что этотъ великій историкъ—богословъ былъ и самъ крупнымъ элементомъ нашей исторіи, въ которой оставилъ большой слѣдъ на пути ея поступательнаго движенія къ познанію и обладанію истиной. Всею жизнію своею онъ способствовалъ этому благородному прогрессу и другихъ привлекалъ къ сему собственнымъ руководствомъ и заразительнымъ примѣромъ.

Прямою спеціальностію педагогически-профессорскаго и литературно-богословскаго служенія Ал. П. Лебедева была „общая церковная исторія“ [1]). По пространству и времени это есть огромная, почти необъятная сфера, а по существу тѣмъ болѣе трудная для объективнаго анализа и точнаго воспроизведенія, что въ ней затрогивается самый деликатный и таинственный двигатель историческаго развитія, которое разсматривается и оцѣнивается здѣсь лишь съ одной христіанско-религіозной стороны. Тутъ требуется необыкновенная зоркость, чтобы вездѣ выдѣлить этотъ факторъ въ его истин-

банѣ. Болѣзнь почему-то не была захвачена и остановлена докторами своевременно, а докончила все, яко бы, неудачная операція трахеотоміи, во время которой Алексѣй Петровичъ и умеръ.

[1]) Всѣ другіе вопросы, которымъ Ал. П. Лебедевъ посвящалъ иногда даже большіе печатные труды, были для него побочными и привходящими или даже случайными (напр., догматико-апологетическая магистерская диссертація о твореніи міра, написанная покойнымъ собственно потому, что лучшіе студенты Московской Академіи его времени должны были предпочитать догматическія темы для выпускного сочиненія).

ной значимости для даннаго историческаго момента, чтобы соблюсти надлежащее равновѣсіе въ изображеніи совокупнаго вліянія всѣхъ дѣйствующихъ силъ и преувеличеніемъ главнѣйшей не затемнить и не исказить побочныхъ элементовъ или этими послѣдними не ослабить преобладающаго начала. То и другое представляется равно соблазнительнымъ и трудно устранимымъ. По самому своему свойству, этотъ религіозный факторъ въ христіанствѣ является не отвлеченнымъ принципомъ теоретическаго міропониманія, а творчески созидательною стихіей, которая захватываетъ человѣка сполна и вызываетъ либо благоговѣніе неприкосновенности, либо отрицаніе враждебности. При серьезной глубинѣ научнаго отношенія къ вопросу—здѣсь невозможно ничто третье и, слѣдовательно, является опасность увлеченія въ какую-нибудь изъ отмѣченныхъ крайностей. Понятно, что въ православномъ профессорѣ—богословѣ,—пока онъ отдаетъ себѣ по совѣсти отчетъ въ своемъ исповѣданіи, — отрицаніе и оппозиція невозможны. За-то особо искусительнымъ бываетъ обратный наклонъ, разъ ученый историкъ видитъ, какъ христіанство всюду проникало, вездѣ претворяло несродное и даже враждебное, по—истинѣ обновляя лице земли и возрождая всѣхъ, живущихъ на ней. Необходимо величайшее самообладаніе, чтобы при несомнѣнномъ верховенствѣ божественнаго и абсолютнаго сохранить свое мѣсто и законную роль для всего человѣческаго и относительнаго. Иначе первое все поглотитъ собою и въ концѣ концовъ упразднитъ всякую исторію. Само собою разумѣется, что для сего обязательна самая широкая эрудиція, чтобы въ точности знать всѣ стороны и выяснить между ними подлинную пропорціональность съ религіозно-христіанской точки зрѣнія, а это недостижимо въ полномъ совершенствѣ даже при самомъ крайнемъ напряженіи всей человѣческой энергіи. Мы видимъ теперь, насколько грандіозна задача „общей церковной исторіи“ на всемъ пространствѣ, во всѣхъ мѣстахъ и во всяческихъ проявленіяхъ. Она рисуется необыкновенно трудною и въ томъ случаѣ, еслибы объектъ изученія и изображенія былъ доступенъ непосредственному наблюденію. Но въ томъ и большое затрудненіе, что таковымъ служитъ развѣ ничтожный клочекъ быстро текучей и едва уловимой современности, ибо главная масса принадлежитъ прошлому, давно канувшему во мракѣ вѣковъ. До насъ сохранились лишь отраженія этой минувшей исторіи въ разнаго рода памятникахъ, почему прежде всего необходимы полный подборъ и самая строгая оцѣнка существенныхъ источниковъ для каждаго періода. Только послѣ

этой тягостной черновой работы начинается творческое возсозиданіе, при которомъ отдаленное пріобрѣтаетъ плоть и кровь живого историческаго явленія не въ его голой реальности, когда оно отражается съ пунктуальною фотографическою безыдейностію и просто обременяетъ статистику фактовъ, а такъ, какъ оно очерчивается на прозрачномъ горизонтѣ исторіи во всей значимости для настоящаго по сравненію съ прошедшимъ и по предуготовленію будущаго. Но каждый взятый моментъ не есть самодовлѣющее цѣлое. Историческая жизнь справедливо называется потокомъ событій, и въ ней отдѣльныя волны понятны лишь въ качествѣ моментовъ движенія всей „рѣки временъ“, гдѣ частное уразумѣвается собственно по связи съ цѣлымъ, а это послѣднее становится конкретнымъ и теряетъ свою туманность. Пусть въ „общей церковчой исторіи“ выдѣляются цѣлыя эпохи: — онѣ sub specie aeternitatis всегда будутъ скорѣе смѣняющимися точками бывающаго, которыя фактически держатся и исторически постигаются единственно по соотношенію со всѣмъ бытіемъ, доступнымъ наблюденію на всемъ протяженіи до самаго ближайшаго къ намъ момента. Безъ соблюденія этого условія и даже при недостаточной внимательности къ нему — неизбѣжно утрачивается или чрезмѣрно сокращается вся историческая перспектива, гдѣ всякое взятое явленіе комментируется голосомъ самой исторіи, озаряется ея свѣтомъ и раскрывается ея разумомъ. Этимъ обезпечиваются широта кругозора, объективизмъ воспроизведенія и точность оцѣнки. Въ противномъ случаѣ неотвратимо получается односторонность узкой спеціализаціи, при чемъ самые наилучшіе мастера впадали въ преувеличенность изображенія и утомительную скрупулёзность микроскопическаго анализа, при которомъ за иглами и сучьями исчезалъ не только лѣсъ, но и деревья. Для устраненія этой опасности приходится брать исторію на всемъ пространствѣ минувшаго и со всѣхъ сторонъ. А когда взглянешь съ этой головокружительной высоты,—предъ взоромъ рисуется картина бушующаго моря со всѣми свойствами стихійной неупорядоченности. Все движется, кипитъ, волнуется, — и въ этомъ водоворотѣ сначала не видится ни разумной планомѣрности, ни зиждительной поступательности. Какъ будто все это суета и произволеніе духа. Необходимо вездѣ проникать за наружную осязательность, чтобы она служила лишь точкою опоры для раскрытія руководящихъ историческихъ началъ, которыя даютъ фундаментъ всему процессу, одухотворяютъ его на всѣхъ отдѣльныхъ ступеняхъ и всѣ стадіи связываютъ въ сплоченныя звенья

развитія послѣдовательно осуществляемой идеи. Принципіальность, почерпаемая погруженіемъ въ глубину исторіи, есть душа истинно-научнаго историческаго построенія, чтобы оно не обращалось въ статистическую хронографію копированія фактовъ, гдѣ чѣмъ ихъ больше, тѣмъ безобразнѣе бываетъ громада сваленныхъ въ кучу камней, ибо они въ такой массѣ просто давятъ, но ничему не поучаютъ.

Всѣ эти основныя требованія были символомъ научной жизни Ал. П. Лебедева, который исповѣдывалъ ихъ не словомъ или языкомъ, а дѣломъ и истиною своего научнаго подвижничества. Не говоря о лекціяхъ, — уже одни печатные труды его свидѣтельствуютъ объ этомъ съ поразительною ясностію. Вездѣ и всюду онъ начиналъ съ тщательныхъ изысканій относительно источниковъ для взятой эпохи и посвящалъ данному предмету цѣлыя книги или специальные отдѣлы. Поэтому всѣ его построенія отличались документальною солидностію. Правда, сочиненія Ал. П. Лебедева не были обременены и перегружены „ученымъ аппаратомъ“, но послѣдній всегда имѣлся у него во всѣхъ главнѣйшихъ частяхъ, хотя и не выдвигался безъ нужды со всею громоздкостію. Покойный не любилъ, чтобы--тягостная въ своемъ теченіи — исторія и при воспроизведеніи была не поучающею и увлекающею, а удручающею и отталкивающею, питающею во всѣхъ taedium vitae. Высоко цѣня подобное трудолюбіе въ другихъ, самъ Ал. П. Лебедевъ съ англійскою сдержанностію ученаго самообладанія предпочиталъ выкладывать лишь необходимое, имѣя про запасъ очень многое. Отъ этого солидность не теряла своей фундаментельности, но сохраняла притягательность. Вѣдь для доказательства прочности зданія вовсе не обязательно пересчитать и описать всѣ поддерживающія сваи, когда разъясненъ секретъ его устойчивости... Правда и то, что въ разслѣдованіи источниковъ и матеріаловъ покойный Ал. П. Лебедевъ не доходилъ самъ до послѣднихъ мелочей всякій разъ и въ каждомъ случаѣ, но это условливалось справедливымъ примѣненіемъ принципа раздѣленія труда и довѣріемъ къ работамъ другихъ, спеціально занимавшихся частными вопросами и давшихъ аргументированные результаты. И по самому смыслу дѣла такое углубленіе во всѣ частности неизбѣжно сопровождается мелочностію и при самомъ лучшемъ успѣхѣ разрѣшается непосильностію для созданія чего-нибудь цѣльнаго и крупнаго, при всей несомнѣнности микроскопическихъ новинокъ. И когда открыты корни и средства ихъ питанія,—едва-ли есть вездѣ обязательная надобность самому снова производить инженерно-гидрологическія разыскиванія, откуда течетъ подъ дерево питающая влага... Ал. П. Лебедевъ считалъ достаточнымъ дойти до родника и всесторонне ознакомиться съ его свойствами, какъ они представлялись возможно обширному наблюденію компетентныхъ спеціалистовъ. Отсюда--наряду съ тщательнымъ освѣдомленіемъ въ источникахъ—мы видимъ у Ал. П. Лебедева поразительную обширность ознакомленія со всею соотвѣтствующею литературой. Съ этой стороны его начитанность почти безпримѣрна и понятна лишь при томъ условіи, что онъ всецѣло жилъ въ книжно-ученомъ мірѣ, гдѣ всѣ открытія и литературныя явленія были для него хорошими знакомыми или желанными и жданными гостями. И по самому характеру церковно-историческихъ задачъ -- кругъ этотъ не былъ тѣсно-замкнутымъ, но все-же и давно привыкшіе къ грандіозной литературной эрудиціи Ал. П. Лебедева не рѣдко терялись отъ неожиданности, сколь глубоко простиралась его научная пытливость и изъ какихъ отдаленныхъ областей онъ привлекалъ матеріалы для своихъ частныхъ и спеціальныхъ работъ.. Эта всесторонность литературнаго изученія, сообщавшая широту и отчетливость научнымъ концепціямъ, спасала научный объективизмъ отъ крайностей критической изощренности. Послѣдняя бываетъ изумительна по детальности анализа, но, разлагая все, утончается до такой степени, что рѣжетъ сама себя, какъ неизбѣжно ломается всякое излишне заостренное лезвіе, если даже оно сдѣлано изъ Дамасской стали. Покойный Ал. П. Лебедевъ не простиралъ своей критики до границъ систематическаго скептицизма и, не прилагая къ условному абсолютныхъ мѣрокъ, вездѣ находилъ довольно матеріаловъ, — хотя относительныхъ, но достаточно достовѣрныхъ или вполнѣ вѣроятныхъ исторически. Ему не приходилось ни обращать все поле древней исторіи въ пустыню съ безформенными руинами, ни создавать на этомъ просторѣ собственныя реконструкціи, которыя даже своею эффектностію больше напоминаютъ фатаморгану, чѣмъ былую дѣйствительность. Въ результатѣ получалось, что его построенія обезпечивались обильными и солидными данными и имѣли объективную убѣдительность. Въ частномъ примѣненіи это должно было вести къ оригинальности въ томъ смыслѣ, что удачно схватывался и точно раскрывался внутренній разумъ минувшихъ церковно-историческихъ событій. Нельзя, конечно, отрицать, что Ал. П. Лебедевъ не всегда былъ самостоятеленъ по замыслу и исполненію. Будучи превосходнымъ знатокомъ соотвѣт-

ствующей западной литературы, особенно нѣмецкой, — онъ охотно усвоялъ ея цѣнныя пріобрѣтенія и никогда не стремился къ преднамѣренной „самобытности", во что бы то ни стало. Напротивъ, немало работъ Ал. П. Лебедева задумано и написано подъ непосредственымъ вліяніемъ или вдохновеніемъ западныхъ образцовъ. Однако было бы грѣхомъ пристрастія видѣть здѣсь простую компилятивность. Всѣ пособія и прецеденты служили для покойнаго историка скорѣе точкою отправленія и поводомъ къ собственному толкованію, въ которомъ мнѣнія и теоріи предшественниковъ являлись лишь матеріалами. Послѣдніе подвергались спеціальной обработкѣ и въ новой комбинаціи неизмѣнно давали нѣчто своеобразное по общему складу и принципіальному освѣщенію. Въ цѣломъ всѣ крупные труды Ал. П. Лебедева были оригинальны и обогащали науку, не исключая наименѣе отдѣланныхъ по внѣшности и въ подробностяхъ. Читатель съ самою широкою научно-литературной эрудиціей всегда почерпалъ въ сочиненіяхъ почившаго солидныя пріобрѣтенія и чувствовалъ себя обогащеннымъ, если не лучшими свѣдѣніями и сужденіями, то новыми перспективами. Здѣсь почившій, всего менѣе знавшій непосредственно англійскую литературу, самымъ наилучшимъ образомъ отражалъ господствующія ея достоинства—въ ученой солидности безъ грузнаго балласта, въ цѣлостной оригинальности безъ искуственнаго оригинальничанья, въ научной популярности безъ банальнаго популярничанья.

Фундаментальность работъ, опиравшихся на критически провѣренные и литературно обслѣдованные матеріалы, гарантировала и правильность ихъ истолкованія, ибо послѣднее разрѣшалось въ самосвидѣтельство самихъ памятниковъ и наиболѣе вѣрныхъ выразителей своего времени. Этому способствовала широта кругозора, которая столь же безпримѣрна, сколько и несомнѣнна по самому объему разсмотрѣнныхъ Ал. П. Лебедевымъ эпохъ. Сначала — въ качествѣ академическаго профессора — онъ, имѣя въ ученой своей коллегіи нарочитыхъ спеціалистовъ, не видѣлъ особыхъ побужденій вдаваться въ детальное обозрѣніе новозавѣтнаго и ближайшаго послѣапостольскаго періода. Онъ исходилъ отъ заложенныхъ въ немъ первооснозъ, какъ авторитетно данныхъ въ богочеловѣческомъ подвигѣ Господа Искупителя, точно примѣненныхъ благовѣстническими трудами Апостоловъ и усвоенныхъ жизнію въ эпоху „мужей апостольскихъ". Ему оставалось прослѣдить дальнѣйшія судьбы этихъ христіанскихъ началъ въ ходѣ міровой исторіи, на всемъ ея протяженіи. И вотъ здѣсь-то наиболѣе ярко обрисовывается все величіе научнаго достоянія, завѣщаннаго намъ Ал. П. Лебедевымъ. Не боясь детальныхъ и частныхъ разысканій, онъ былъ врагомъ узкой самоуглубленности и любилъ разсматривать всякую подробность при широкомъ освѣщеніи всей исторической перспективы. Задача была слишкомъ трудная, но разрѣшена покойнымъ съ исключительно—рѣдкимъ и плодотворнымъ успѣхомъ. Ал. П. Лебедевъ съумѣлъ пройти весь историческій путь христіанства отъ указанной грани до самыхъ послѣднихъ дней. И это не было общимъ обзоромъ и не исчерпывалось отвлеченными „взглядами" относительно сущности историческаго процесса. Напротивъ, Ал. П. Лебедевъ спеціально останавливался на всѣхъ главнѣйшихъ ступеняхъ и о каждомъ такомъ этапѣ далъ подробный и строго научный отчетъ. Мы имѣемъ отъ него цѣлый рядъ послѣдовательныхъ трудовъ, которые въ своей отдѣльности основательно знакомятъ со всѣми важнѣйшими періодами и событіями, а взаимною постепенностію раскрываютъ прогрессивный ходъ историческаго процесса отъ его утвержденія до нашихъ временъ. Начальные моменты пока больше предполагались, но съ полученіемъ университетской каѳедры Ал. П. Лебедевъ непосредственно обратился къ новозавѣтнымъ временамъ и съумѣлъ одарить русскую литературу очень цѣнными трудами, безъ которыхъ она рѣшительно страдала. Покойный пополнилъ этотъ пробѣлъ и уяснилъ намъ основоположительныя предпосылки своей научной концепціи. Вмѣстѣ съ этимъ университетское профессорство потребовало больше вниманія къ русской церковной исторіи, хотя и ранѣе аналогіи послѣдней принимались въ соображеніе. Теперь построеніе оказывалось законченнымъ. Правда, оно всецѣло относилось лишь къ православію и его развѣтвленіямъ въ восточныхъ церквахъ, но—по сужденію Ал. П. Лебедева — здѣсь былъ во всякомъ случаѣ наиболѣе вѣрный исторически выразитель исконнаго христіанства, которое освѣщалось чрезъ это съ самой существенной стороны. Наряду съ этимъ не опускались изъ вида и главнѣйшія западныя исповѣданія. Наоборотъ, для христіански-папистическаго Рима и католицизма почившій немало потрудился въ раскрытіи всѣхъ особенностей по происхожденію и историческому проявленію, а для протестантства достаточно выразилъ свои принципіальныя воззрѣнія чрезъ разсмотрѣніе соотвѣтствующихъ научныхъ дѣятелей и теорій. При отмѣченныхъ условіяхъ нельзя не согласиться, что историческія судьбы христіанства были изслѣдованы Ал. П. Лебедевымъ глубоко и всесторонне. Этотъ успѣхъ столь грандіозенъ по необъятности задачи, что вѣришь ему лишь

по безспорности факта, а для русской науки онъ прямо изумителенъ. И прежде и одновременно съ Ал. П. Лебедевымъ находились въ ней преданные труженики рѣдкихъ дарованій, колоссальной эрудиціи, безупречной тщательности критическаго анализа, но и въ самыхъ лучшихъ образцахъ это были лишь частныя построенія, которыя могли быть только элементами научно-исторической концепціи. Не рѣдко намъ вредила тутъ какая-то неясная конфессіональная боязливость, при чемъ не рѣшались простираться до началъ и не смѣли договаривать до конца. Ал. П. Лебедевъ откинулъ этотъ обидный для православія предразсудокъ, не понятный въ точности для всѣхъ его рабовъ, и одинъ и пока единственный взялся за цѣлостное изображеніе всей церковно-исторической жизни. Съ этой стороны Ал. П. Лебедевъ былъ у насъ собственно первымъ по времени и по достоинству историкомъ православно-восточной церкви, давшимъ отчетливую картину историческихъ судебъ христіанства. По широтѣ замысла и успѣшности выполненія трудно теперь подыскать ему равнаго и во всей мировой богословской наукѣ. Больше подходитъ въ этомъ отношеніи развѣ Берлинскій профессоръ Адольфъ Гарнакъ, какъ называли покойнаго Московскіе академическіе студенты уже въ 80-хъ годахъ.

Фундаментальность конструкціи и обширность перспективы должны были устранять всякую искусственную тенденціозность, обезпечивая принципіальную объективность. Къ сожалѣнію, по этой части Ал. П. Лебедевъ страдалъ до самой гробовой доски отъ тяжкихъ недоразумѣній и жестокихъ подозрѣній, часто имѣвшихъ для него горечь не простой теоретической оппозиціонности, а самой реальной жизненной отравы.. Ползучая рожа, сведшая въ могилу, преслѣдовала покойнаго всю жизнь въ образѣ клеветы и злорѣчія... Его упорно считали и не переставали трактовать въ качествѣ неправославнаго либерала съ характеромъ задорнаго и вызывающаго смутьяна. Докторство прошло съ большимъ трудомъ и создало автору крайне опасную репутацію даже по тому самому, что ученый Западъ устами Ад. Гарнака чуть-ли не впервые отмѣтилъ съ похвалою это русское церковно-историческое сочиненіе. Атмосфера сгущалась до такой удушливости, что въ половинѣ 80-хъ годовъ Ал. П. Лебедевъ вынуждался-было покинуть Московскую Духовную Академію [1]) и (въ 1885 г.) уже совсѣмъ былъ назначенъ въ Казанскій Университетъ [1]). Ему величайшимъ мученіемъ было разстаться съ Alma Mater, которой онъ былъ преданъ всею душой [2]),— и только счастливое ходатайство на-время спасло отъ изгнанія. Тѣмъ не менѣе недовѣріе продолжало висѣть надъ почившимъ темною тучей, — и по случаю 25-тилѣтія академическаго профессорства (въ сентябрѣ 1895 года) ближайшая власть не нашла возможнымъ выразить хотя бы простое привѣтствіе достойному юбиляру [3]), а позаботилась о томъ, что — уже пожилымъ человѣкомъ, „25 лѣтъ прослуживъ вѣрой и правдой дорогой ему Московск. дух. Академіи“ [4]),—Ал. П. Лебедевъ пошелъ изъ нея искать пріюта въ Московскомъ Университетѣ, гдѣ заранѣе не могъ ожидать себѣ особеннаго радушія при сильномъ вѣроятіи въ обратную сторону... Казалось бы, теперь открывался просторъ либеральничать „во всю“, безъ боязни и стѣсненій, а почившій по прежнему оставался вѣрнымъ лишь долгу историка и ни на іоту не повернулъ влѣво ради тенденціозности, но кое въ чемъ еще „поправѣлъ“ по вниманію къ открывшимся историческимъ даннымъ. Конечно, и литературная оппозиція, подготовившая возникновеніе предубѣжденій насчетъ правовѣрія Ал. П. Лебедева, не переставала поддерживать ихъ, иногда же выходила организованнымъ систематическимъ походомъ цѣлой „сомкнутой фаланги“ противъ полуслѣпого старика, чтобы окончательно дискредитировать его. Въ болѣе принципіальныхъ столкновеніяхъ покойный умѣлъ давать полновѣсную литературную сдачу и виднымъ критикамъ, и пигмейскимъ критиканамъ, но относительно личныхъ нападокъ рѣшительно заявлялъ намъ такое правило, что „за всякимъ тычкомъ не угоняешься“.

[1]) См. о семъ „Богословскій Вѣстникъ“ 1907 г., № 6, стр. 423.

[1]) Потомъ (съ 1 августа 1885 г.) эту каѳедру занялъ здѣсь извѣстный Казанскій церковный историкъ, профессоръ Ѳ. А. Кургановъ.

[2]) Для своего прощальнаго чтенія 13 января 1896 года предъ Московскими академическими студентами Ал. П. Лебедевъ избралъ эпиграфомъ слова св. Григорія Богослова: „никому и ничто не бываетъ такъ прискорбно, какъ аѳинскимъ совоспитанникамъ разставаться съ Аѳинами и другъ съ другомъ“ и прямо называлъ Московскую Академію „своей дорогой матерью“, разлуку съ которой онъ чувствуетъ глубоко (см. „Богословскій Вѣстникъ“ 1907 г., № 6, стр. 401. 424. 425).

[3]) Это относительно тогдашняго митрополита Московскаго (9 августа 1893 г.—† 11 февраля 1898 г.) Сергія (Ляпидевскаго) мы знаемъ изъ устъ недавно почившаго († 26 марта 1908 года) епископа (Тульскаго) Лаврентія (Некрасова), бывшаго въ то время (1895—1898 гг.) ректоромъ Московской Духовной Академіи.

[4]) См. „Богословскій Вѣстникъ“ 1907 г., № 6, стр. 425.

Свою правду почившій ввѣрялъ не собственной апологетикѣ, а объективной научной работѣ непрерывнаго созиданія. Послѣднее было яснѣе всякихъ защитительныхъ рѣчей, однако оказалось слабымъ противъ предразсудка именно потому, что въ немъ не было дѣйствительныхъ основаній, почему не открывалось и объективнаго пункта для пораженія и послѣдующаго устраненія. Вѣдь въ высшей степени характерно и знаменательно, что Ал. П. Лебедевъ умышленно не былъ привлеченъ къ подготовительнымъ „предсоборнымъ“ работамъ касательно нашихъ церковныхъ реформъ, и когда дѣло должно было рѣшаться по разуму и завѣтамъ вселенской церкви, — въ это время не нашлось мѣста для лучшаго нашего церковнаго историка тамъ, гдѣ отовсюду собирали даже любителей и начетчиковъ, не всегда твердыхъ въ богословской терминологіи. По-истинѣ, пророкъ не пріемлется въ отечествѣ своемъ... Имѣю прискорбныя личныя основанія думать, что—по дурной привычкѣ—и послѣ сохраняли пугливый скептицизмъ насчетъ ортодоксальности Ал. П. Лебедева [1]), а нѣкоторые признаки наводятъ на тягостную мысль, что и по смерти онъ не находитъ себѣ признанія... Дѣло дошло до того, что два почтенные Московскіе іерея даже при самомъ отпѣваніи его въ храмѣ Божіемъ оказались вынужденными въ своихъ надгробныхъ рѣчахъ свидѣтельствовать, что почившій былъ человѣкъ вѣрующій [2]), между тѣмъ послѣдними звуками научно-жизненнаго благовѣстничества этого профессора были слова вѣры и надежды: „помолись за меня...“ [3]). Священный долгъ благодарнаго ученика и научная обязанность академически-литературнаго богослова заставляютъ насъ выступить съ рѣшительнымъ протестомъ на защиту учителя, скованнаго гробовымъ молчаніемъ. Не буду касаться вѣрованій, ибо это область сколько интимная, столько же и священная, которая не подлежитъ суду человѣческому; и если назойливая клевета проникала даже туда, то самъ Алексѣй Петровичъ считалъ ее неприкосновенною и не допускалъ „разглагольствій о чувствахъ и благочестіи“ почившихъ [4]). Для сего

[1]) Еще 7 января 1907 г. онъ самъ писалъ намъ, что его „писательство получило ударъ плетью“, а 3 марта того же года съ тяжелою грустію сообщалъ, что „на концѣ жизни превратился въ писателя, статьи котораго стали казаться неблагонамѣренными“.

[2]) См. „Душеполезное Чтеніе“ 1908 г., № 8, стр. 587—588. 599.

[3]) См. „Душеполезное Чтеніе“ 1908 г., № 8, стр. 583. 588; „Богословскій Вѣстникъ“ 1908 г., № 7—8, стр. 596.

[4]) Такъ писалъ намъ Ал. П. Лебедевъ отъ 24 сентября 1905 года по поводу одной статьи для „Православной Богословской Энциклопедіи“.

умѣстна лишь наша горячая молитва къ Богу, но во всемъ прочемъ дозволительно объективное разсужденіе на основаніи безспорныхъ фактовъ. Прежде всего невѣрно очерчивается самая личность покойнаго профессора, какъ человѣка, постоянно рвавшагося въ полемическій задоръ и либеральную оппозицію. Правда, въ писательской манерѣ Ал. П. Лебедева не рѣдко слышались нотки вызывательства, и его рѣчь всегда проникнутая особымъ юморомъ не чуждалась острыхъ выраженій и колющихъ намековъ, однако тутъ была чисто внѣшняя особенность, что аттическая соль замѣнялась крѣпкимъ перцемъ, который слеталъ при самомъ легкомъ дуновеніи. Покойный не стѣснялся въ отзывахъ и иногда допускалъ излишнюю индивидуальную рѣзкость, но здѣсь-то и обнаруживалась его простодушная откровенность, дорожившая только мнѣніями, если даже ради этого ему приходилось болѣзненно затрогивать многія личности съ горестными безпокойствами и для себя самого. Значитъ, и тутъ прямо подтверждаются собственныя слова Ал. П. Лебедева, что всегда въ научныхъ работахъ „не лесть и пристрастіе двигали его языкомъ“ [1]). Въ дѣйствительности это была глубоко мирная натура съ оттѣнками большой внутренней робости, по природѣ склонная къ здоровому консерватизму, хотя всецѣло враждебная застою и затхлости. Въ одномъ письмѣ къ намъ почившій категорическъ высказывался за принципъ Сенеки, что vivere militare est, но эту борьбу онъ понималъ, какъ органическое свойство самой жизни, неизмѣнно развивающейся и крѣпнущей путемъ побѣдъ и торжества лучшихъ и совершеннѣйшихъ началъ. А относительно принципіальныхъ воззрѣній несомнѣнно, что здѣсь были гораздо правѣе Московскіе академическіе студенты, которые съ гордостію приравнивали Ал. П. Лебедева къ Берлинскому профессору Ад. Гарнаку только по объему и степени учено-литературной продуктивности, но ничуть не по догматическому характеру. Если руководящіе круги всегда думали иначе и ради сего цѣплялись за случайныя мысли и частныя сентенціи, то отсюда слѣдуетъ не болѣе того, что на мѣстѣ утверждающихъ столповъ у насъ высились колеблемыя вѣтромъ трости, которымъ сподручно было лишь подхватывать бѣгущую дурную славу и непосильно поднимать добрую, такъ какъ она лежитъ и требуетъ собственнаго напряженія... Здѣсь политика предержащихъ духовныхъ властей полна самыхъ неизъяснимыхъ контрастовъ. Даютъ Ал. П. Лебедеву степень доктора богословія и до нѣкоторой степени облекаютъ авторитетомъ учи-

[1]) См. „Православное Обозрѣніе 1886 г., № 4, стр. 813.

тельства, но вскорѣ докторскую диссертацію оффиціально запрещаютъ и изгоняютъ изъ духовно-педагогическаго обращенія наряду съ другими его сочиненіями, подвергавшимися аресту у семинаристовъ чуть-ли не наравнѣ съ революціонными книжками [1]), почему и самая благожелательная цензура не рѣшалась пропускать новыхъ изданій; однако, проходятъ года, и тѣ же самые труды безъ всякой просьбы и желанія автора получаютъ оффиціальное одобреніе и прямо рекомендуются къ руководственному употребленію... Этихъ фактовъ невозможно ни стереть, ни перетолковать, потому что они несомнѣнно были, не смотря на взаимное отрицаніе. Понятно изъ нихъ, что совсѣмъ нельзя считать обязательнымъ предубѣжденіе такихъ круговъ даже въ силу самаго его упорства, которое говоритъ лишь о чувствахъ судей и имѣетъ чисто субъективное происхожденіе и достоинство. Имъ хочется, чтобы всѣ наличныя формы церковнаго строя и самаго быта признавались и провозглашались догматически священными и исконно христіанскими, но съ этимъ рѣшительно не можетъ согласиться серьезный историкъ, внимательный и послушный голосу всей исторической очевидности, а идейно для него оказывается тогда вполнѣ безспорнымъ, что по причинѣ самой своей божественности христіанство, вѣрное себѣ, не можетъ исчерпываться исторически возникающими и смѣняющимися особенностями... На этой почвѣ у насъ создалась и досел̆ не умерла окончательно самая пагубная коллизія церковной власти и богословской науки, гдѣ первая давила и третировала вторую, а эта послѣдняя протестовала или пресмыкалась. Еще слишкомъ свѣжа въ нашей настороженной памяти и чуткихъ сердцахъ та недавняя эпоха, когда господствовали въ церковномъ правительствѣ эти настроенія, вредныя для него и для богословскаго прогресса не столько деспотическимъ стѣсненіемъ науки, сколько наемническимъ подчиненіемъ ея на свою послугу. Искажалась самая природа научнаго знанія, извращались коренныя задачи, затемнялся идеалъ не отъ гоненія, которое скорѣе внутренно укрѣпляетъ его и внѣшне привлекаетъ, но именно отъ порабощенія, вытѣснившаго оригиналъ и подмѣнившаго обязательную госпожу подхалимскою служанкой. Водворилась и получила преобладаніе лжеименная исторія, воспособлявшая недостатокъ органической силы полемическимъ задоромъ и укоряющею обличительностію. Покойный Ал. П. Лебедевъ всѣмъ существомъ своимъ отвер-

[1]) См. у самого Ал. П. Лебедева въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1907 г., № 4, стр. 720,,.

галъ подобныя вѣянія, а тогда вполнѣ естественно, что онъ являлся опаснымъ и подозрительнымъ для тѣхъ, кто повелѣвалъ вѣтрами и теченіями. Взаимная оппозиціонность была тутъ натурально неизбѣжна и потому не устранима, пока не измѣнится та или другая сторона. Ал. П. Лебедевъ всего менѣе былъ склоненъ или способенъ къ оппортунистическимъ приспособленіямъ,— и отсюда родилась постепенно крѣпнувшая недовѣрчивость къ его ортодоксальности, потомъ застывшая въ традиціонный предразсудокъ. По изложенному ясно, что это служитъ единственно къ характеристикѣ лишь создателей и исповѣдниковъ такого предубѣжденія и объективно вынуждаетъ допустить совсѣмъ обратное. И безспорно для безпристрастнаго наблюдателя, что Ал. П. Лебедевъ былъ чуждъ конфессіональной тенденціозности въ обоихъ направленіяхъ и всегда стремился говорить въ качествѣ ученаго, который слушаетъ исторію, а не подсказываетъ ей. Если при этомъ условіи не могло быть окаменѣлаго консерватизма, то одинаково исключался и преднамѣренный либерализмъ. Наилучшимъ и неотразимымъ образомъ эта истина оправдалась на покойномъ въ недавніе дни, когда бурная волна новшествъ, реформаторства и партійности нахлынула въ церковную сферу и закрутила всѣхъ настолько, что всѣ темныя фигуры вдругъ озарились багровымъ сіяніемъ борцовъ за свободу и бывшіе члены-учредители союза русскаго народа со знаменами протеста забѣгали коноводами на лѣвомъ флангѣ... Непризванный къ непосредственной работѣ коллективнаго выясненія нашей наличной церковности и ея запросовъ, — Ал. П. Лебедевъ поспѣшилъ отозваться печатнымъ словомъ и съ обычною отчетливостію формулировалъ свои тезисы. Повидимому, теперь-то и открылся „закоренѣлому либералу“ удобный моментъ выдвинуть весь арсеналъ сокрушительной оппозиціи къ старому и многошумнаго новаторства. Вышло совсѣмъ не то,—и большинство заключеній Ал. П. Лебедева было въ пользу формулъ консервативнаго свойства [1]). Характерно также, что убѣжденнымъ апологетомъ памяти митрополита Филарета (Дроздова) опять же выступилъ нашъ почившій ученый именно

[1]) Въ послѣднее время Ал. П. Лебедевъ занятъ былъ спеціальною работой о новѣйшемъ „реформаціонномъ“ движеніи въ нашей церкви и старательно собиралъ (частію чрезъ наше посредство) всѣ матеріалы, какіе только можно достать. Если этотъ трудъ достаточно обработанъ, то весьма желательно видѣть его въ печати, какъ и вообще требуется принять всѣ мѣры, чтобы закончено было полное „собраніе церковно-историческихъ сочиненій“ покойнаго по намѣченному имъ плану и вмѣстѣ съ автобіографіей, повидимому, вполнѣ обработанной.

въ послѣдніе „реформаціонные" годы нашей исторіи, когда ортодоксально-гранитная личность Московскаго святителя не могла являться притягательною, если только нельзя было эксплуатировать ее въ партійныхъ интересахъ... Въ равной мѣрѣ знаменательно, что покойный профессоръ явился пламеннымъ проповѣдникомъ исключительной священности православнаго пастырства, для котораго требовалъ всецѣлаго сосредоченія всѣхъ силъ и не допускалъ отвлеченія ихъ даже въ пользу науки, хотя самъ цѣнилъ послѣднюю выше всѣхъ земныхъ служеній... Конечно, и теперь правые все-таки не считали Ал. П. Лебедева вполнѣ „своимъ", а нѣкоторые „правые праведники" продолжали поносить его преизлиха, какъ отстранялись и лѣвые, но отсюда прямо вытекаетъ, что онъ никогда и ни при какихъ условіяхъ не былъ человѣкомъ партіи и рабомъ доктринерства [1]). Въ немъ всегда жилъ только историкъ, который основы честно исповѣдуемой вѣры соизмѣрялъ и просвѣтлялъ разумомъ всей совокупности фактовъ исторіи. Вслѣдствіе сего ученые труды покойнаго лишались всякой тенденціозности и проникались объективною принципіальностію.

Таковыми рисуются намъ основныя черты научнаго творчества проф. Ал. П. Лебедева, который въ наличныхъ нашихъ условіяхъ [2]) дальше всѣхъ подвинулся по пути къ идеалу историка христіан-

[1]) Самъ Ал. П. Лебедевъ 3 марта 1907 года писалъ, что его надо было бы назвать не „авторитетнѣйшимъ" (какъ это сдѣлано было мною печатно), а безпристрастнымъ или безпартійнымъ. Этотъ принципъ съ возможною строгостію примѣнялся почившимъ и по отношенію къ лицамъ. Напр., я упрекнулъ Алексѣя Петровича за одну „его симпатію" изъ современныхъ іерарховъ, а онъ 6 декабря 1907 года писалъ мнѣ: „я не имѣлъ повода думать о немъ невыгодно, да и вообще я держусь правила, что лучше преувеличивать въ хорошую, чѣмъ въ худую сторону, если это возможно о томъ или другомъ общественномъ дѣятелѣ".

[2]) Къ числу этихъ условій нужно отнести и положеніе богословской науки въ Россіи. Объ этомъ Ал. П. Лебедевъ писалъ намъ 6 декабря 1907 года слѣдующее: „Я всегда былъ того мнѣнія, что богословская наука въ нашей русской церкви служитъ больше всего для внѣшняго декорума. Существуетъ богословская наука у католиковъ и протестантовъ,—поэтому изъ подражанія и во избѣжаніе упрековъ завели таковую и у насъ. Но значенія ея совсѣмъ не признаютъ, довольствуясь внѣшнимъ фактомъ, что, молъ, и у насъ есть наука. Отъ науки (богословской) главнымъ образомъ требуютъ, чтобы она не шебаршила, держалась правила: удобѣе молчаніе. Я не знаю случая въ нашей исторіи, чтобы кого-нибудь хвалили и цѣнили за занятіе и успѣхъ въ богословской наукѣ. Къ сожалѣнію, такого же взгляда придерживаются еще и теперь". Всѣ эти сужденія покойнаго учителя своего вполнѣ раздѣляю и я.

ства. Необходимо еще прибавить, что исторію церкви онъ понималъ широко и жизненно. Для него это было не просто лишь спеціальная „научная дисциплина", замкнутая въ тѣсныхъ рамкахъ или, по крайней мѣрѣ, ограниченная въ своемъ кругозорѣ и въ направленіи ученой пытливости въ извѣстную сторону. Почившій твердо и громко исповѣдывалъ, что „исторія церкви есть матерь всѣхъ богословскихъ наукъ" и, значитъ, обнимая ихъ всѣ, служитъ почвою и опорой для нихъ. Оплодотворяя послѣднія свѣтомъ историческаго опыта, сама она пріобрѣтала широту перспективы и всесторонность воззрѣнія. Такое взаимоотношеніе созидалось собственно на томъ, что такъ это было фактически въ самой исторической жизни, гдѣ научныя спеціальности вызывались запросами времени и развивались соотвѣтственно историческимъ потребностямъ. Слѣдовательно, исторія является здѣсь не отвлеченнымъ шаблономъ или мертвою хроникой, но всегда сохраняетъ свою жизненность, гдѣ даже самое отдаленное прошлое открываетъ генезисъ и смыслъ настоящаго, опредѣляя для послѣдняго наличную цѣнность и предрѣшая ему свойственную будущность. Въ многообразныхъ трудахъ Ал. П. Лебедева вездѣ въ этомъ именно достоинствѣ комментируется и отражается церковная исторія, которая становится учительницей не по менторской назойливости, а потому, что открываетъ законы историческаго возникновенія и движенія аналогичныхъ явленій и институтовъ. Эта драгоцѣнная черта входила въ природу научно-историческаго созерцанія Ал. П. Лебедева и дѣлала живительною его научную работу, которая у другихъ столь склонна превращаться въ сухую археологію. У него минувшее не считалось исчезнувшимъ, но это есть моментъ продолжающагося бытія и потому имѣетъ органическое право активно участвовать въ немъ. Вотъ почему и самъ Ал. П. Лебедевъ, поучаясь больше во дняхъ древнихъ, не погрязалъ въ однихъ воспоминаніяхъ и не обладалъ кабинетною индифферентностію къ окружающей дѣйствительности. Послѣдняя была извѣстнымъ порожденіемъ прошлаго и сама взывала къ нему о подкрѣпленіи, а оно отвѣчало либо восторгомъ увѣнчанія, либо стономъ извращенія, требующимъ возстановленія нормы. Такъ и текущая церковная современность естественно оказывалась непосредственнымъ объектомъ историческаго наблюденія и критическаго сужденія Ал П. Лебедева И мы видимъ, что онъ спѣшилъ отзываться на всѣ главнѣйшіе запросы съ одушевленіемъ и жаромъ самой живой заинтересованности, безъ археологической холодности анти-

кварныхъ справокъ, подобранныхъ ad hoc. Тутъ не было уклоненія отъ прямого призванія историка, но лишь прямое примѣненіе жизненныхъ научныхъ пріобрѣтеній къ живымъ явленіямъ. Посему во многихъ сочиненіяхъ почившаго встрѣчаются такія сближенія съ настоящимъ и аналогическія указанія, послѣдній же періодъ былъ ознаменованъ нѣсколькими подобными работами, написанными съ необыкновеннымъ подъемомъ и поучительною вдохновенностію историка-мудреца, который съ годами только запасался опытомъ и не удалялся отъ жизни, а лишь глубже входилъ въ нее, яснѣе видѣлъ истинные пути и болѣзненнѣе ощущалъ ненормальности... Въ нихъ всюду звучитъ голосъ великой и многосвѣдущей души — скорбящей, но ничуть не озлобленной и глубоко благожелательной. И мы совершимъ большой грѣхъ и принесемъ себѣ огромный вредъ, если за суровыми словами судьи не примѣтимъ завѣтовъ учителя и не послѣдуемъ ему съ послушаніемъ, подавляя горечь обличенія сладостію обновленія...

А въ этомъ отношеніи для вліянія Ал. П. Лебедева обезпеченъ самый широкій просторъ. Уже самая жизненная постановка церковной исторіи обусловливала съ необходимостію, что эта дисциплина въ обработкѣ покойнаго теряла книжную отвлеченность, когда наука дѣлается достояніемъ спеціалистовъ и у другихъ вызываетъ лишь рѣдкое любопытство. Здѣсь своею жизненностію эта исторія — хотя бы самая отдаленная — обязательно возбуждала живой интересъ, ибо, освѣщая прошлое, являлась свѣточемъ настоящаго и просвѣтомъ будущаго. Всѣ сочиненія почившаго запечатлѣны такими свойствами, потому что послѣднія вытекали изъ самой природы исторіи, въ пониманіи ея у Ал. П. Лебедева. Въ силу этого притягательный интересъ не ослаблялся искусственностію или фальшію тенденціозности и укрѣплялся съ обаятельностію объективной натуральности. Тутъ обличалъ и училъ, приковывалъ и отталкивалъ, трогалъ и возбуждалъ самый предметъ, поскольку онъ былъ именно таковъ не по ученому перетолкованію, а по внутреннему существу, по разуму его бытія. По этимъ причинамъ всѣ произведенія Ал. П. Лебедева, будучи учеными по обработкѣ, не погибали во мракѣ ученыхъ святилищъ и ихъ жрецовъ, а своими лучами врывались во всѣ слои, вездѣ возбуждая и приковывая живое и напряженное вниманіе личной важности для каждаго. Скромная академическая и университетская аудиторія расширялась до предѣловъ обширнаго круга лицъ, которымъ дороги вѣчные запросы жизни въ области духа. Что до пріема и степени воздѣйствія сочиненій покойнаго

въ этой обширной средѣ, то благопріятный результатъ предрѣшался въ самомъ наилучшемъ смыслѣ особенностями писаній Ал. П. Лебедева. Умѣя схватить въ каждомъ явленіи самую сердцевину, онъ сразу вводилъ во всю его глубину, почему подробности становились не утомительными деталями, а болѣе отчетливыми, ближе индивидуализирующими чертами знакомыхъ уже образовъ. При этомъ почившій обыкновенно не любилъ дробныхъ объектовъ изслѣдованія и бралъ цѣлую родственную группу или эпоху, гдѣ всѣ частные моменты раскрывались самою своею взаимностію и усвоялись въ ихъ подлинномъ историческомъ смыслѣ вполнѣ непринужденно—безъ насильственности автора и безъ насилія читателя. Наконецъ, литературное изложеніе у Ал. П. Лебедева отличалось рѣдкими достоинствами [1]). Нѣсколько монотонное по пріемамъ и растянутое,—оно всегда было проникнуто необыкновенною планомѣрностію и упорядоченностію построенія и запечатлѣно такою прозрачною ясностію изображенія, что каждому открывало глаза для собственнаго созерцанія взятаго предмета. Безъ всякой внѣшней искусственности достигалась та естественная художественность, которая услаждаетъ зрѣніе и просвѣтляетъ душу истиннымъ разумѣніемъ. Покойный зналъ себѣ ученую цѣну и не скрывалъ (въ письмахъ къ намъ) своего мнѣнія, что мимо его трудовъ невозможно пройти въ наукѣ, какъ нельзя ихъ и изъять изъ нея, но вообще былъ скроменъ на этотъ счетъ даже въ самыхъ интимныхъ бесѣдахъ. За-то онъ весьма дорожилъ качествомъ общедоступной литературности и со свойственною ему простодушною самоироніей охотно повторялъ тезисъ одного редактора о себѣ, что его и „всякій невѣжда понимаетъ“... Въ этомъ направленіи прилагались старательныя заботы, и онѣ увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Мы сами знаемъ по множеству примѣровъ, какъ сочиненія Ал. П. Лебедева проникали до самыхъ низшихъ слоевъ. Такъ, недавно намъ пришлось подбирать богословскую библіотеку для неизвѣстнаго лично инока-простеца, несущаго большую культурно-христіанскую миссію на самой отдаленной окраинѣ Россіи,—и мы хорошо помнимъ, съ какимъ благодарнымъ чувствомъ духовнаго удовлетворенія отзывался онъ именно о трудахъ Ал. П. Лебедева, нашедши въ немъ

---

[1]) Ихъ со свойственною наблюдательностію подмѣтилъ и съ обычною характерностію описалъ извѣстный публицистъ В. В. Розановъ, хотя онъ напрасно назвалъ протоіереемъ вѣрно понятаго имъ Ал. П. Лебедева (см. „Новое Время“ № 11.641 за 9-е августа 1908 года), ибо послѣдній жилъ и скончался міряниномъ.

своего учителя, близкаго ему даже по самой ученой авторитетности, разъ послѣдняя только отчетливѣе разъясняла дѣло и углубляла пониманіе. По сказанному неудивительно для почившаго, что хотя онъ избѣгалъ всякихъ внѣшнихъ пріемовъ для снисканія популярности, однако произведенія его имѣли необычайное для богословскихъ сочиненій распространеніе, поскольку были жизненны, затрогивали многообразные интересы и рѣшительно всѣмъ доступны. Ал. П. Лебедевъ былъ исключительною феноменальностію для нашего спеціальнаго богословія, ибо онъ единственный рѣшился на свой страхъ предпринять полное „собраніе своихъ церковно-историческихъ сочиненій“, а для русской богословской науки и для русскаго религіознаго самосознанія служитъ отрадною рекомендаціей, если это предпріятіе получило успѣшный ходъ, и отдѣльные томы скоро потребовали вторыхъ и даже третьихъ изданій. Для полной оцѣнки нужно взять во вниманіе нашу русскую среду. Въ ней многіе спеціалисты-богословы жили подъ тяжелымъ прессомъ отчаянія, что пишутъ для несуществующей публики, не разсчитывая на нее и въ отдаленномъ будущемъ. Даже показная горделивость такимъ положеніемъ свидѣтельствовала, насколько безнадежно и убійственно было дѣло въ данномъ отношеніи. Значитъ, тѣмъ удивительнѣе, что въ это время сама русская публика шла къ Ал. П. Лебедеву безъ всякаго зова и искусственныхъ приманокъ. Еще того выше и цѣннѣе, что почившій вовсе не принижался до вкусовъ массы, никогда не впадалъ въ вульгарное опрощеніе мысли и языка, а всегда поднималъ притекавшую публику до себя во имя возвѣщаемой имъ исторической правды. Во всемъ этомъ опять мы находимъ аналогію лишь въ англійскихъ классическихъ образцахъ.

Разумѣется, ближайшимъ объектомъ приложенія описанныхъ свойствомъ Ал. П. Лебедева была профессорская аудиторія, гдѣ прежде всего примѣнялись его природные таланты, развивались и крѣпли многостороннія дарованія. Уже въ молодыхъ годахъ покойный пріобрѣлъ въ студенческой средѣ Московской Духовной Академіи одновременно и авторитетность и популярность. Явившись туда въ августѣ 1884 года, мы нашли это рѣдкостное сочетаніе давно кристаллизовавшимся, при чемъ имя „Московскаго Гарнака“ было гордостію для всѣхъ питомцевъ этой Almae Matris, укрывшейся подъ сѣнію Лавры препод. Сергія. Аудиторія покойнаго была любимою и посѣщаемою, не смотря на то, что не существовало внѣшнихъ притяженій. Скорѣе много было обрат-

наго. Грузная фигура лектора [1]), ходившаго мелкими, неувѣренными шажками, нахмуренное подслѣповатое лицо, рѣзкій голосъ съ крутыми негармоническими переходами отъ пронзительныхъ верховъ къ глухимъ низамъ, манера читать непремѣнно по тетрадкѣ—все это не представляло особой привлекательности, а самъ Ал. П. Лебедевъ уже по внутренней застѣнчивости неспособенъ былъ къ преднамѣреннымъ и систематическимъ эффектамъ для увлеченія аудиторіи въ свою пользу [2]). Онъ не искалъ и не покупалъ дешевыхъ апплодисментовъ, хотя бы и не былъ равнодушенъ къ нимъ. Изложеніе лекцій, чуждое искусственныхъ риторскихъ украшеній и иногда довольно тягучее, всего менѣе было разсчитано на выгодный для профессора торгъ со слушателями, которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, привыкли пріобрѣтать и воспламенять именно такими средствами... Очевидно, у Ал. П. Лебедева была болѣе высокая и чисто объективная притягательность, если студенты въ изобиліи стекались на его чтенія. И она, дѣйствительно, заключалась въ умѣніи глубоко захватить слушателей самымъ предметомъ, который всегда выбирался по его типическому значенію для цѣлаго ряда явленій, освѣщался съ важнѣйшей стороны и разъяснялся по его внутренней силѣ, завладѣвавшей вниманіемъ. Аудиторія видѣла предъ собою какъ бы подлинную живую исторію, а эта послѣдняя устами профессора раскрывала тайны своего бытія, внушительныя и поучительныя для всякой мыслящей души. Въ этомъ направленіи Ал. П. Лебедевъ пользовался вполнѣ заслуженною славой среди своихъ студентовъ, цѣнившихъ въ немъ неподражаемаго историка-истолкователя, умѣвшаго представить разумъ событій проникновенною наглядностію изображенія. Не удивительно, что его собиралась слушать иногда вся Академія. Такъ это было, напр., въ началѣ 1885 г., когда онъ призванъ былъ временно читать лекціи по церковной археологіи

---

[1]) Мы знаемъ Ал. П. Лебедева именно такимъ, хотя для начальныхъ годовъ своего профессорства онъ (въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1907 г., № 6, стр. 401—402) описываетъ себя иначе...

[2]) Посему вполнѣ вѣримъ свидѣтельству непосредственнаго слушателя о. В. П. Борисоглѣбскаго (XXIX курса 1870—1874 гг.), что въ 1870 году первоначально Московскимъ академическимъ студентамъ наименѣе понравились вступительныя лекціи именно Ал. П. Лебедева наряду съ двумя другими его товарищами, тоже получившими академическія каѳедры и читавшими одновременно съ нимъ; но вскорѣ въ сознаніи всего студенчества послѣдній оказался и навсегда остался первымъ.

за смертію († 16 декабря 1884 г.) проф. И. Д. Мансветова. Ал. П. Лебедевъ началъ свой курсъ съ характеристики покойнаго коллеги и настолько заинтересовалъ свою группу, что особою депутаціей просили его повторить это чтеніе вечеромъ предъ всѣмъ академическимъ студенчествомъ [1]). И восторженный успѣхъ, выпавшій на долю лектора, тѣмъ знаменательнѣе, что одна четверть студентовъ въ глаза не видывала Мансветова, а другіе еще не состояли въ числѣ непосредственныхъ учениковъ почившаго профессора—литургиста. Уже по этому случаю легко догадаться, въ какой высокой степени Ал. П. Лебедевъ обладалъ способностію „живописать“ исторію—въ истинномъ и буквальномъ смыслѣ этого слова, художественно и одухотворенно воскрешая минувшее.

Вообще, лекціонное вліяніе Ал. П. Лебедева на все академическое студенчество было огромное и благотворное въ теченіе всѣхъ 25 лѣтъ академической службы. Здѣсь оно простиралось на всю массу, но по отношенію ко многимъ проявлялось съ особою индивидуальною энергіей. Это было въ тотъ періодъ, когда студенческое юношество дѣлаетъ послѣдній шагъ къ достиженію академической зрѣлости путемъ письменной диссертаціи на степень кандидата богословія. Работниковъ по этой части у Ал. П. Лебедева всегда было достаточно, и между ними преобладали лучшія силы. Казалось бы, нужно ожидать противнаго. Правда, церковно-историческая область высоко интересна сама по себѣ, но за-то она и столь обширна, что можно совсѣмъ растеряться—съ большою опасностію либо въ центрѣ напасть на рѣшенный уже вопросъ, либо на периферіи удариться въ такую глушь, откуда можетъ раздаться лишь замогильный голосъ, наводящій ужасъ. Наряду съ этимъ, церковно-историческій матеріалъ требуетъ большой эрудиціи для надлежащей обработки, которая обязываетъ къ систематическому и напряженному труду. Въ частности здѣсь необходима многоязычная филологическая подготовка, какою обладали далеко не всѣ студенты, гдѣ большинство искало темъ съ „русскими источниками“. Наконецъ, по академическому уставу 1884 г. Ал. П. Лебедевъ ежегодно давалъ семестровыя сочиненія цѣлому академическому курсу (обычно—второму), и къ моменту кандидатскихъ исканій всѣ студенты

---

[1]) Эта лекція, прочитанная вечеромъ 9 февраля 1885 г., напечатана въ „Православномъ Обозрѣніи“ 1886 г., № 4 (апрѣль), стр. 789—813.

опытно знали, съ какою внимательностію этотъ профессоръ штудировалъ всякое упражненіе, не оставляя ни одного безъ собственноручныхъ письменныхъ замѣчаній, какъ онъ былъ строгъ ко всѣмъ оттѣнкамъ мысли и слова, нимало не будучи придирчивымъ при всей жгучести своихъ ремарокъ и рецензій. При всемъ томъ студенчество тянуло къ нему, ибо убѣжденно исповѣдывало въ немъ вѣрнаго учителя, который укажетъ надежный и близкій путь, не дастъ заблудиться, благовременно, охотно и умѣло выведетъ изъ затрудненій. Невозможно и приблизительно исчислить, сколько хлопотъ и заботъ выпадало на долю профессора, которому одинаково приходилось считаться и съ молодою неопытностію и съ юношескою дерзновенностію, при чемъ первая способна была невольно истощить великое терпѣніе, а вторая съ полемическимъ задоромъ вела препирательства и наступленія. Но если студенты шли къ почившему съ вѣрой, то и онъ отвѣчалъ имъ самою щедрою самопреданностію, чуждою заносчиваго высокомѣрія и барской спѣси [1]). Торжество ученика было его собственною гордостію, и къ наиболѣе преуспѣвшимъ духовнымъ „чадамъ“ своимъ Ал. П. Лебедевъ навсегда сохранялъ неизмѣнную благожелательность и дружескія отношенія, не смотря ни на какія тягостныя осложненія личныхъ отношеній. Между учителемъ и учениками создавалась гармоническая взаимность, которая служила почвой для послѣдовательнаго воспитанія цѣлыхъ академическихъ поколѣній въ опредѣленномъ научномъ духѣ. Если это не была „школа“ въ техническомъ западномъ смыслѣ, то вполнѣ несомнѣнно здѣсь одно выдержанное церковно историческое направленіе, которое устами Ад. Гарнака западная наука съ особенно лестною похвалой констатировала именно для разработки церковной исторіи въ Московской Духовной Академіи временъ профессорства Ал. П. Лебедева. Но та же взаимность обезпечивала послѣднему возможную плодотворность ученаго воздѣйствія

---

[1]) Нужно еще припомнить, что въ періодъ моего пребыванія (съ 1884-го по 1890 годъ) въ Московской Духовной Академіи профессоръ, у котораго писалъ кандидатскую диссертацію извѣстный студентъ, обычно всегда назывался по отношенію къ этому послѣднему его „бариномъ“... Не знаемъ, когда и почему въ Московскомъ академическомъ студенчествѣ столь прочно утвердилась эта зазорная терминологія, но, очевидно, были нѣкогда для сего свои достаточныя причины—только никакъ не въ Ал. П. Лебедевѣ, который безусловно не склоненъ былъ къ барству и всецѣло презиралъ холопство.

на молодыхъ научныхъ работниковъ. Отсюда неизбѣжны и фактическіе добрые результаты. Они безспорны по множеству научно-литературныхъ пріобрѣтеній, обязаныхъ Ал. П. Лебедеву, такъ какъ онъ провелъ цѣлую массу кандидатскихъ работъ на магистерство [1]) и нѣкоторыми изъ нихъ заинтересовалъ западный ученый міръ. Видно было, что это и опытный руководитель и благо-

[1]) Самъ Ал. П. Лебедевъ съ понятнымъ научнымъ самоудовлетвореніемъ упоминалъ (въ Богословскомъ Вѣстникѣ" 1907 г., № 6, стр. 420), что чрезъ него „пріобрѣли степень магистра 13 молодыхъ людей", при чемъ „рожденіе докторовъ и магистровъ сопряжено бываетъ съ немалыми потугами, а иногда и съ значительными огорченіями". Эти магистры Лебедевскаго посвященія — слѣдующіе: 1) Ал. А. Остроумовъ (XXXIII академическаго курса), нынѣ помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа (Синезій философъ, епископъ Птолемаидскій, Москва 1879); 2) А. П. Доброклонскій (XXXV курса), профессоръ Новороссійскаго Университета (Сочиненіе Факунда, епископа Герміанскаго, въ защиту трехъ главъ, Москва 1880); 3) Н. Д. Извѣковъ (XXXVIII курса), протоіерей въ Москвѣ и приватъ-доцентъ Московскаго Университета (Іерархія сѣверо-африканской церкви, Вильна 1884); 4) Ст. И. Остроумовъ (XL курса), протоіерей въ с. Тума Рязанской губерніи (Разборъ свѣдѣній Евсевія Кесарійскаго и бл. Іеронима Стридонскаго о греческихъ апологетахъ вторaго вѣка, Москва 1886); 5) А. В. Мартыновъ (XXXVII курса), доцентъ Московской Духовной Академіи, скончавшійся (въ ночь съ 16 на 17 ноября 1901 г.) въ санѣ протоіерея законоучителемъ — профессоромъ богословія Петровско-Разумовскаго Сельско-хозяйственнаго Института близъ Москвы (Ученіе св. Григорія, епископа Нисскаго, о природѣ человѣка, Москва 1886); 6) К. Н. Смирновъ (XLII курса), преподаватель Ярославской Семинаріи (Обозрѣніе источниковъ исторіи перваго вселенскаго собора, Ярославль 1888); 7) Н. Н. Глубоковскій (XLIV курса), профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, докторъ богословія (Блаж. Θеодоритъ, епископъ Киррскій, 2 тома, Москва 1890); 8) П. В. Гурьевъ (XLIV курса), завѣдывающій канцеляріею Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ въ С.-Петербургѣ и членъ сего Совѣта (Θеодоръ, епископъ Мопсуетскій, Москва 1890); 9) Н. Г. Поповъ (XLVII курса), священникъ и профессоръ Инженернаго Училища въ Москвѣ (Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи, Москва 1892); 10) А. Θ. Карашевъ (XLII курса), преподаватель Рязанской Семинаріи (О новооткрытомъ памятникѣ „Ученіе двѣнадцати Апостоловъ", Москва 1896); 11) А. А. Спасскій (XLV курса), профессоръ Московской Духовной Академіи, д-ръ церковной исторіи (Историческая судьба сочиненій Аполлинарія лаодикійскаго съ краткимъ предварительнымъ очеркомъ его жизни, Сергіевъ Посадъ 1896); 12) И. Д. Андреевъ (XLVII курса), профессоръ С.-Петербургскаго Университета (Константинопольскіе патріархи отъ временъ Халкидонскаго собора до Фотія, вып. I, Сергіевъ Посадъ 1896); 13) Д. И. Брянцевъ (L курса), преподаватель Рижской Духовной Семинаріи (Іоаннъ Италъ и его богословско-философскіе взгляды, осужденные византійскою церковію, Харьковъ 1905).

разумный цѣнитель, способный дать всякому труду ученую санкцію. Посему Ал. П. Лебедевъ—помимо непосредственныхъ учениковъ своихъ—удостоилъ магистерства и докторства много другихъ авторовъ [1]), и по этой части мы не знаемъ приблизительно ему равнаго въ исторіи всей нашей духовно-академической педагогіи. Эти ученыя „дѣти" [2]) его разсѣяны повсюду и нѣкоторые занимаютъ профессорскія каѳедры въ другихъ Академіяхъ и Университетахъ, сохраняя почтеніе учениковъ къ своему учителю, какимъ онъ не переставалъ быть для нихъ всегда, живо интересуясь судьбой и неизмѣнно помогая опытомъ и знаніями. Съ благодарностію свидѣтельствую объ этомъ и отъ себя лично, хотя не видалъ Ал. П. Лебедева съ начала мая 1891 г. и лишь поддерживалъ съ нимъ письменныя сношенія, сколько благожелательныя, столько же и поучительныя. Вообще, и тутъ велики были самоотверженные труды почившаго, давшіе обильные плоды и зрѣющіе новыми, но у него все это дѣлалось просто и непринужденно. Какъ отъ свѣта естественно зажигается свѣтъ, такъ ученый свѣтильникъ своими лучами воспламенялъ свѣточи по роду своему. Это была соприсущая атмосфера, сопровождавшая всюду Ал. П. Лебедева и вездѣ вызывавшая ученое озареніе. Прекрасною иллюстраціей сему служитъ вся профессура почившаго въ Московскомъ Университетѣ. Здѣсь „церковная исторія" не имѣетъ такой опоры для своего развитія ни въ подготовкѣ слушателей, ни въ солидарности другихъ факультетскихъ дисциплинъ,—и, переходя сюда, почившій чувствовалъ себя какъ бы архіереемъ на покоѣ [3]). Тѣмъ не менѣе появленіе Ал. П. Лебе-

[1]) Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" 1907 г., № 6, стр. 420 самъ Ал. П. Лебедевъ пишетъ, что „мною создано въ (Московской Духовной) Академіи семь докторовъ — богословія, церковной исторіи и каноническаго права". Это были: 1) † профессоръ Московской Духовной Академіи П. С. Казанскій; 2) † архіепископъ Владимірскій Сергій (Спасскій), бывшій инспекторомъ (1862—1863 гг.) Московской Духовной Семинаріи въ періодъ обученія тамъ Алексѣя Петровича; 3) † профессоръ Московскаго Университета А. М. Иванцовъ-Платоновъ; 4) профессоръ Московской Духовной Академіи Н. Θ. Каптеревъ; 5) профессоръ Харьковскаго Университета М. А. Остроумовъ; 6) профессоръ Московской Духовной Академіи П. И. Цвѣтковъ и 7) профессоръ тамъ же Н. А. Заозерскій.

[2]) Такъ ихъ и печатно именовалъ самъ Ал. П. Лебедевъ (напр., въ брошюрѣ: „Профессоръ А. М. Иванцовъ †, я и священникъ Н. Добронравовъ", стр. 4 прим.), и это названіе чрезвычайно характерно именно для него самого въ наиболѣе лестномъ смыслѣ.

[3]) См. „Богословскій Вѣстникъ" 1907 г., № 6, стр. 422.

дева на университетской каѳедрѣ повело къ образованію широкихъ и серьезныхъ богословскихъ запросовъ въ университетскомъ студенчествѣ, не смотря на то, что лекторъ вовсе не баловалъ его притягательностію либеральныхъ чтеній, иногда же угощалъ лекціями ярко ортодоксальнаго и охранительнаго свойства. Но молодыя души забывали объ этихъ ложныхъ ходячихъ счетахъ, слыша вездѣ привлекавшую научную правду, и явно выражали глубокій интересъ къ самому дѣлу [1]), а профессоръ поспѣшилъ поддержать и организовать эти влеченія и дать имъ всестороннее научно-педагогическое удовлетвореніе. Ал. П. Лебедевъ собралъ около себя большую рать молодыхъ научныхъ силъ [2]) и, какъ ученый патріархъ, призвалъ и приспособилъ ихъ къ университетскому преподаванію. Дѣло шло тихо и скромно, но было прочно по дѣйствію и богато надеждами. Въ литературѣ и въ спеціальныхъ собраніяхъ шли горячія до соблазнительности пренія о богословскихъ университетскихъ факультетахъ, однако пока получались лишь взаимныя недоразумѣнія, сопровождавшіяся и теоретическими осложненіями и практическими огорченіями... Въ это время продолжающихся доселѣ смутъ Ал. П. Лебедевъ одинъ незамѣтно подготовлялъ практическое разрѣшеніе задачи съ неотразимою убѣдительностію реальнаго факта.

Этотъ послѣдній могъ утверждаться лишь незыблемостію заложеннаго ученаго авторитета, который находитъ прочный устой для творчества на самой зыбкой почвѣ. Ал. П. Лебедевъ имѣлъ утѣшеніе и самъ убѣдиться въ этомъ, поскольку избранъ былъ почетнымъ членомъ всѣхъ русскихъ православныхъ Духовныхъ

---

[1]) Съ необыкновенною трогательностію самъ Ал. П. Лебедевъ описываетъ (въ брошюрѣ: „Профессоръ А. М. Иванцовъ †, я и священникъ Н. Добронравовъ“, стр. 4 *б*) это оживленіе церковно-исторической любознательности въ Московскомъ университетскомъ студенчествѣ, какъ несравнимую идиллію, доставлявшую столько чистой радости сердцу профессора, а намъ въ этихъ его словахъ невольно слышится голосъ великаго Богослова и Апостола любви, св. Іоанна (3 Іоан. 4)...

[2]) Устроить это было тоже не легко по многимъ причинамъ,—и самъ Ал. П. Лебедевъ по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ моихъ объ университетскихъ его помощникахъ писалъ намъ 7 января 1907 года слѣдующее: „Гдѣ я ихъ возьму? Университетъ приватъ-доцентамъ по исторіи церкви даетъ отъ 20 до 25 рублей въ полугодіе (за часъ). Кто будетъ трудиться даромъ?! Я все-же могу, имѣя приватъ-доцентовъ, открыть самостоятельную церковно-историческую группу (въ родѣ факультета.)“

Академій и нѣсколькихъ Университетовъ. Но если другимъ его сила сообщалась непринужденно, то въ немъ самомъ она накоплялась и изощрялась напряженнымъ трудомъ цѣлой жизни. Покойный совершилъ тяжелый и тернистый путь нищенски бѣднаго духовнаго школьника при исключительно печальныхъ затрудненіяхъ. Сынъ сельскаго священника Московской епархіи,—онъ съ раннихъ лѣтъ прошелъ чрезъ горнило прискорбныхъ семейныхъ неурядицъ и краховъ. Карьера отца была до крайности неблагополучна, и онъ за пьянство былъ лишенъ священника, низведенъ въ мѣщане и, будучи сельскимъ учителемъ, скончался неестественною смертію, убитый въ дракѣ. Помимо отягощающихъ повседневныхъ частностей — всѣ эти обстоятельства, сами по себѣ, подавляли молодую душу ребенка, мрачными и леденящими тучами дѣйствительности лишали ее свѣта и теплоты, безъ которыхъ не можетъ нормально развиваться живое разумное созданіе. Заботами матери Ал. П. Лебедевъ попалъ въ Перервинское Духовное Училище, но едва едва былъ въ состояніи тянуть ученическую лямку, не разъ находился подъ угрозою увольненія за неспособность и послѣ сохранилъ объ этихъ годахъ печальныя воспоминанія подъ обычнымъ ему названіемъ „несчастной Перервы“—не съ озлобленіемъ, а въ смыслѣ объективной характеристики бывшаго. Даже въ Московской Семинаріи, которая представляла „нерадостное явленіе“ [1]), онъ выправился не вдругъ и, если въ 1866 г. окончилъ здѣсь первымъ студентомъ по первому отдѣленію [2]), то „обязанъ былъ этимъ исключительно собственной самодѣятельности“ [3]). Природныя способности получили опору въ закаленномъ

---

[1]) Такъ говоритъ самъ Ал. П. Лебедевъ въ „Православномъ Обозрѣніи“ 1886 г., № 4, стр. 792,—и эту характеристику Московской Семинаріи со стороны „всегда уважаемаго своего профессора“ подтверждаетъ спеціальный ея историкъ *Н. И. Кедровъ* (Московская Духовная Семинарія: 1814—1889, Москва 1889, стр. 108 прим.).

[2]) См. у *Н. И. Кедрова* на стр. 110.

[3]) Такъ объ этомъ и о Перервинскомъ Духовномъ Училищѣ писалъ Ал. П. Лебедевъ еще въ самомъ концѣ іюня 1908 года профессору С.-Петербургской Духовной Академіи А. А. Бронзову, получивъ отъ послѣдняго интересную брошюру его воспоминаній „Бѣлозерское Духовное Училище въ 1867—1873 гг.“ (Спб. 1908). Изъ своихъ семинарскихъ учителей покойный особенно выдѣлялъ Н. В. Благоразумова, котораго всегда рекомендовалъ дѣйствительно „благоразумнымъ“ семинарскимъ ректоромъ, хотя этого высокопочтеннаго духовнаго педагога и администратора потомъ прямо гнали, и онъ скончался 21 декабря 1907 года Московскимъ придворнымъ протопресвитеромъ.

трудолюбіи и въ Академіи развернулись настолько, что онъ избранъ былъ замѣстить по академической каѳедрѣ знаменитаго о. А. В. Горскаго, бывшаго предметомъ его благоговѣйной памяти и ревниваго охраненія. Все дальнѣйшее служеніе покойнаго было сплошнымъ подвигомъ неустаннаго и самоотверженнаго труда. Профессорское достоинство Ал. П. Лебедевъ не просто цѣнилъ, а прямо почиталъ священнымъ и не терпѣлъ ни малѣйшаго ущерба по отношенію къ нему. Это своего рода культъ, требующій всецѣлаго сосредоточенія всѣхъ силъ и помысловъ, чтобы хоть нѣсколько приблизиться къ идеалу ученаго учительства. Посему почившій рѣшительно высказывался лично намъ (въ специальномъ письмѣ) даже противъ совмѣстительства двухъ однородныхъ профессуръ, когда профессоръ размѣнивается на чтеца и не можетъ стоять въ уровень съ прогрессомъ научнаго знанія во всѣхъ сферахъ своей отрасли [1]). И если этотъ уровень казался почти недосягаемымъ, то отсюда для Ал. П. Лебедева вытекало единственно то, что здѣсь для всякаго истиннаго и честнаго адепта обязательно всесовершенное посвященіе этой великой миссіи съ полнымъ и безраздѣльнымъ пожертвованіемъ для нея собою. Каѳедра—это алтарь, откуда зрится вѣчная истина, и на ней всегда долженъ куриться благоухающій ѳиміамъ чистой науки отъ всей души и отъ всего помышленія ученаго священнослужителя. Таково было исповѣданіе покойнаго, осуществленное фактически. При подобномъ взглядѣ привычный для него трудъ сталъ священнымъ обѣтомъ научнаго жреца, а все вмѣстѣ создавало научнаго подвижника, который всегда работаетъ, ибо истина неизмѣнно остается и отдаленною и драгоцѣнною для земного человѣческаго бытія. Не имѣя и не найдя своей личной жизни, Ал. П. Лебедевъ всецѣло ушелъ въ научные интересы и пребывалъ въ нихъ, какъ въ своей родной стихіи. Отсюда его неустанный и непрестанный подвигъ, поражающій даже чисто внѣшнею колоссальностію результатовъ. И для самаго поверхностнаго наблюденія получается впечатлѣніе, какъ будто покойный все время только читалъ и писалъ, отнимая у себя многіе часы сна [2]). Намъ хорошо извѣстно, что и въ краткіе періоды ва-

[1]) Рѣчи объ этомъ заходили у насъ неоднократно,—и, напр., 12 ноября 1906 года Ал. П. Лебедевъ писалъ мнѣ слѣдующее: „Я не одобряю совмѣстительства. Если будутъ выбирать преемника мнѣ при мнѣ, я вооружусь противъ этого. Нельзя дѣлать изъ такой серьезной науки—синекуру".

[2]) Самъ Ал. П. Лебедевъ свидѣтельствуетъ въ „Богословскомъ Вѣст-

каціонныхъ передышекъ онъ не разлучался съ книгами и внимательно слѣдилъ за научною литературой. Всего лишь года два тому назадъ, попавъ на Балтійское взморье въ очень скверное дождливое лѣто, Ал. П. Лебедевъ находилъ эту неудачу почти счастливою для себя, потому что лучше и детальнѣе могъ изучить книгу Цана „Einleitung in das Neue Testament", а это огромное сочиненіе въ двухъ томахъ убійственной печати утомительно одолѣть даже молодому терпѣнію присяжнаго специалиста, между тѣмъ почившій былъ полуслѣпой старикъ, котораго не касались прямо задачи новозавѣтной библіологіи. Но священное служеніе не знаетъ ограниченій и немыслимо безъ жертвъ. И послѣднія Ал. П. Лебедевъ приносилъ съ героизмомъ научнаго мученика и ученаго исповѣдника до того, что уже рано совсѣмъ разстроилъ свое зрѣніе. Бывали моменты, когда ему грозила опасность слѣпоты, и онъ вынужденъ былъ запираться въ специальныя лечебницы. Не смотря на эти роковыя предостереженія,—при первой возможности работа продолжалась по-прежнему, и если для нея не хватало своихъ глазъ, то почившій нанималъ опытныхъ чтецовъ, чтобы всегда быть въ курсѣ научно-литературнаго движенія. Однако зрѣніе убывало съ ужасающею прогрессіей и держалось собственно лишь въ одномъ глазу съ непостижимостію, которую самъ Ал. П. Лебедевъ считалъ „чудомъ изъ чудесъ" [1]), а все таки онъ не переставалъ писать и писать всегда собственноручно своимъ старательнымъ мелкимъ почеркомъ... По-истинѣ покойный „любилъ *до самозабвенія* церковно-историческую науку" и „нераздѣльно посвящалъ себя ей". Это самосвидѣтельство [2]) теперь запечатлѣно уже смертію и для всѣхъ безспорно, но какая же сила научной самопреданности жила и господствовала въ этомъ ученомъ подвижникѣ, забывавшемъ свою смертную бѣду ради научнаго долга?! Не въ этомъ-ли и тайна упомянутаго „чуда", которое всегда творится въ мірѣ истиною, почему и даруется пріобщеніемъ къ ней вѣрному ея адепту?

Великій трудъ покойнаго имѣлъ и великій плодъ. Литературное наслѣдіе его весьма богато и исчисляется цѣлыми сот-

никѣ" 1907 г., № 6, стр. 421, что онъ „привыкъ посвящать чтенію и письму по пятнадцати часовъ" въ сутки...

[1]) Ср. объ этомъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" 1907 г., № 6, стр. 420 сл. 425,1.

[2]) Въ брошюрѣ „Профессоръ А. М. Иванцовъ †, я и священникъ Н. Добронравовъ", стр. 5 прим.

нями печатныхъ листовъ [1]). Уйдя отъ насъ тѣлесно, Ал. П. Лебедевъ своими сочиненіями неизмѣнно будетъ въ нашей наукѣ живымъ учителемъ—не просто тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ дисциплинъ и спеціальныхъ частностей, а самоотверженнаго служенія истинѣ, для которой онъ во многомъ былъ вѣрнымъ истолкователемъ со стороны тайнъ прошлаго и предзнаменованій грядущаго [2]). Мы,—непосредственные зрители и ближайшіе свидѣтели этого благостнаго подвига, оплодотворявшаго нашу научную жизнь на всѣхъ ея стадіяхъ,—глубоко поражены неожиданною кончиной великаго учителя и приносимъ на его священную могилу неувядающій вѣнокъ признательныхъ моленій съ горячею вѣрой услаждающей надежды, что—почившій отъ трудовъ среди трудовъ—самоотверженный искатель истины сподобился теперь созерцать ее воочію... Я же лично, совершивъ нынѣ (3-го іюня 1908 г.) 25-лѣтіе своей литературной дѣятельности, благодарственно вспоминаю, какъ началомъ и всѣмъ направленіемъ моего научнаго бытія обязанъ покойному чрезъ написанную подъ его руководствомъ диссертацію о блаженномъ Ѳеодоритѣ, почему невольно и неразрывно связываю въ моемъ сознаніи обѣ эти дорогія историческія личности и слова императора Маркіана о Флавіанѣ Константинопольскомъ, примѣненныя мною въ 1890 году къ знаменитому епископу Киррскому [3]), отношу теперь съ душевною горестію духовной сиротливости къ незабвенному профессору моему Алексѣю Петровичу Лебедеву, поскольку и для него есть и да будетъ непреложно, что „никогда слава славныхъ не уничтожается со смертію, добродѣтели не оканчиваются вмѣстѣ съ умершими; а еще болѣе увеличивается доброе мнѣніе о добродѣтельныхъ съ ихъ кончиною, потому что всякая зависть къ умершимъ исчезаетъ...“

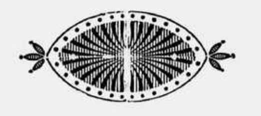
[1]) По случаю 25-тилѣтняго юбилея † проф. *Ив. Н. Корсунскимъ* издана была (оттисками изъ „Богословскаго Вѣстника“ 1895 г., № 11, стр. 259—276) отдѣльная брошюра подъ заглавіемъ: „Двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности профессора А. П. Лебедева (1870—1895 гг.)“, Сергіевъ Посадъ 1895, гдѣ говорится (стр. 19), что даже тогда одни собственно церковно-историческія сочиненія (за исключеніемъ мелкихъ статей и оффиціальныхъ отзывовъ) могли составить болѣе 400 печатныхъ листовъ, или 12 томовъ по 600 слишкомъ страницъ; но съ тѣхъ поръ были изданы еще много новыхъ трудовъ. Вообще же о покойномъ вѣрно замѣчено (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ № 165 за 17-е іюля 1908 года): „можно съ полной увѣренностью сказать, что давно уже у насъ не было такого профессора, который бы за 30 лѣтъ дѣятельности успѣлъ написать и напечатать такую массу цѣнныхъ капитальныхъ трудовъ, какъ Ал. П. Лебедевъ“.

[2]) Кстати сказать,—я въ качествѣ редактора „Православной Богословской Энциклопедіи“ имѣю отъ почившаго нѣсколько большихъ и солидныхъ статей, которыя появятся въ свою очередь, и—значитъ—Ал. П. Лебедевъ будетъ еще вновь говорить живымъ словомъ съ читающею публикой.

[3]) См. въ I-мъ томѣ моей магистерской диссертаціи о блаж. Ѳеодоритѣ (Москва 1890), на стр. 304.

Профессоръ *Николай Глубоковскій.*

Ессентуки-Желѣзноводскъ
на Кавказѣ
въ концѣ іюля—началѣ августа
1908 года (дополнено Спб. 1908,
IX, 8—понедѣльникъ).

У автора (С.-Петербугъ, Невскій проспектъ № 180, кв. 5), въ конторѣ „Церковнаго Вѣстника“ (Спб., Шлиссельбургскій просп. д. 4, кв. 8) и въ книжныхъ магазинахъ И. Л. Тузова (Спб., Гостинный дворъ по Садовой ул., № 45), „Новаго Времени“ и др. можно пріобрѣтать слѣдующія сочиненія и изданія ординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Николая Никанoровича **Глубоковскаго**:

1) **Блаж. Өеодоритъ,** епископъ Киррскій, въ 2-хъ томахъ; I: его жизнь и II: литературная дѣятельность (съ обозрѣніемъ времени и событій 3-го, 4-го и 5-го вселенскихъ соборовъ, съ разсмотрѣніемъ раскольническаго „Өеодоритова слова“ и пр.). Москва 1890. *Магистерская* диссертація, удостоенная Св. Синодомъ и *полной* Макаріевской преміи. Цѣна I т. 3 р., перес. 40 коп., II т. 4 р., перес. 45 коп., за оба тома 7 р. 50 коп. съ перес.

2) **Благовѣстіе христіанской свободы** въ посланіи св. Апостола Павла къ Галатамъ. Сжатое и общедоступное обозрѣніе. Спб. 1902. Книга удостоена Св. Синодомъ *полной* Макаріевской преміи. Цѣна 2 р., пер. 35 коп.

3) **Благовѣстіе св. Апостола Павла** по его происхожденію и существу; книга первая: Введеніе; Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла; „Евангеліе“ Павлово и іудейско-раввинское богословіе, апокрифы и апокалиптика. Спб. 1906. Цѣна 4 р. 50 коп., перес. 75 коп.

4) **Па вопросамъ духовной школы** (средней и высшей) и объ Учебномъ Комитетѣ при Св. Синодѣ. Спб. 1907. Цѣна 1 р., пер. 20 коп.

5) **Своеобразная защита Учебнаго Комитета**. По поводу книги о семъ евизора Д. И. Тихомирова и въ связи съ вопросомъ о преобразованіи Учебнаго ркомитета и ревизорскаго института. Цѣна 55 коп. съ перес.

6) **Знаменательный день въ жизни** сельскаго пастыря о В. М. Попова (съ 5 гравюрами). Спб. Цѣна 70 коп., пер. 20 коп.

7) **Дорогой памяти** неутомимаго искателя правды—писателя и изобрѣтателя врача Матвѣя Никаноровича Глубоковскаго († 1903, XII, 11), съ портретомъ его, Спб. 1904. Цѣна 50 к., съ перес. 60 коп.

8) **Моломская Михайло-Архангельская церковь** Вологодской губ., Никольскаго у. (1889—1904 гг.), съ 3 портретами и 7 снимками. Цѣна 50 коп., перес. 20 коп.

9) **Памяти покойнаго** († 1908, VII, 14) профессора Алексѣя Петровича Лебедева (съ портретомъ и автографомъ его). Спб. 1908. Цѣна 55 коп. съ пер.

